

Евгений Майоров

**ДЕТЕКТИВНЫЕ
ХРОНИКИ**

ВИСОКОСНЫЙ ГОД

Евгений Майоров

**Детективные хроники.
Високосный год**

«Издательские решения»

Майоров Е. П.

Детективные хроники. Високосный год / Е. П. Майоров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903370-3

Третья часть нашумевшего детектива! Логическое продолжение первых двух книг. После событий с «Делом о городском стрелке» прошло не так уж много времени. Но Миша уже успел прийти в себя и решил остаться в милиции. Андрей Сергеевич отдыхает от службы, как и планировал. Всё мирно и спокойно до тех пор, пока под городским виадуком не обнаруживают труп женщины. Анализируя факты, Миша подозревает, что это может быть связано с «Театром свободы».

ISBN 978-5-44-903370-3

© Майоров Е. П.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Виадук. Часть 1	7
Постановка. Часть 2	9
Виадук. Часть 2	11
Постановка. Часть 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Детективные хроники. Високосный год

Евгений Петрович Майоров

Иллюстратор Ёж Кошкин

© Евгений Петрович Майоров, 2018

© Ёж Кошкин, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-3370-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Логическое продолжение первых двух частей «Детективных хроник», повествующее об опытном, но одиноком следователе Андрее Сергеевиче и его юном, но весьма способном напарнике Мише. Как и в предыдущих частях, арки будут построены по уже сложившемуся принципу: видение протагониста и видение антагониста. И, разумеется, как и ранее, будет введена дополнительная арка из трёх глав, чтобы привнести интерес и разнообразие. Заварите чай, присаживайтесь поудобнее, третья часть детективных хроник начинается прямо сейчас.

Виадук. Часть 1

2 марта. 2004 год

Я стою перед зеркалом и расчёсываю волосы. Пора бы сходить в парикмахерскую, Лихацкий уже дважды делал мне замечания, чтобы я постригся. Лично мне нравится носить более длинные волосы, чтобы уши были прикрыты, а не торчали в разные стороны. Тем более волосы у меня тёмного цвета, мне идёт. Ненавижу стрижку «ёжиком» – это выглядит убого, у нас большая часть отдела ходит именно с такой короткой стрижкой. Я и так иду на уступки начальству, бреюсь каждый день или же через день. На праздники и особые даты заставляют носить форму, это тоже не может не раздражать. Мой рост метр восемьдесят пять, но каждый год мне выдают форму не по размеру, она всегда оказывается велика. Благо, что хоть в обычные будни разрешают носить обычную одежду, лишь бы она была однотонной, и чтобы это не были спортивные костюмы и куртки. Но что поделать, такова работа в милиции.

Я сделал осознанный выбор, когда решил остаться на службе. Я продолжаю жить отдельно от родителей, на съёмной квартире. Честно говоря, оставаться в милиции или же нет – было довольно сложным выбором. Тогда, осенью две тысячи третьего, «Дело о городском стрелке» было последним, над которым мы работали с Андреем Сергеевичем вместе. Он ушёл из милиции, хотя и говорил, что, возможно, потом вернётся на службу, а может, найдёт более спокойную работу. Я не знаю истинных мотивов Андрея Сергеевича, возможно, он просто устал, я бы никогда не сказал, что он испугался работать дальше и поэтому ушёл – это не про него. Тем не менее прошло ещё не так много времени, чтобы делать какие-либо выводы.

Родители уговаривали меня оставить службу. Но, поразмыслив, я понял, что уйдя из милиции, просто в никуда, я не буду знать, чем мне заниматься дальше. У меня не было чёткой цели и каких-либо идей по поводу своих дальнейших планов карьеры и личной жизни. Я решил остаться на службе. Разумеется, восстановился не сразу, мне нужно было какое-то время, чтобы отдохнуть от пережитого, нас тогда чуть не убили. Но в результате убил я, впервые в своей жизни. Пусть тот человек и был преступником, но тем не менее. Спустя время я смирился с этой мыслью: у меня не было выбора – либо мы, либо он. В отделе все считали меня героем, я попал на доску почёта, внеочередное звание мне не дали, но зато прибавили к зарплате солидную премию и поставили в очередь на получение квартиры. Это не могло не радовать: будь у меня своя квартира, можно не тратиться на съём жилья, больше денег в свободном распоряжении, а значит, можно будет подумать и о девушке... и о том, чтобы завести семью. Разумеется, родители не одобрили моего желания остаться на службе в милиции, но это было моё решение, не их, и никто не в силе изменить его, кроме меня самого. «Дело об улыбающемся человеке» и «Дело о городском стрелке» были самыми трудными и самыми значимыми в моей карьере. С момента моего поступления на службу прошло не так много времени, но столько всего произошло, столько воды утекло, словно за спиной уже лет десять, как я работаю в милиции.

Мне не хватало Андрея Сергеевича, мы виделись с ним всего один – два раза в месяц. Я обычно приезжал к нему в гости на пару бокалов виски. Старик по-прежнему принимал таблетки после того ранения в ногу, но всё равно продолжал хлестать виски, в этом весь он: одинокий, больной, но очень умный следователь, который сам ушёл из милиции. Надо бы его навестить на днях... как он там поживает? Мне назначили нового напарника, он был на десять лет старше меня, но в подмётки Андрею Сергеевичу не годился. Благо, мой напарник сейчас в командировке, одному мне работалось и легче, и спокойнее, да и дел серьёзных не было. При этом раскрываемость всё же немного упала, но не критично.

Я в отделении на планёрке. Благо, что Лихацкий сейчас в отпуске, его заместитель относится к сотрудникам более лояльно. Сегодня только утро вторника, а у нас уже вызов, звонок поступил от жильцов маленького частного домика, напротив которого они же и обнаружили труп. Это прямо под мостом, высота виадука по центру была двадцать семь метров, излюбленное место самоубийц нашего городка. Однако криминалисты, которые выехали ранее, сообщили по телефону, что женщина скончалась от падения, но не там, где её обнаружили, на что указывали все первичные улики, скорее всего, это было убийством. Нелепо со стороны преступника пытаться сделать «постановку» и скрыть улики таким образом. Довольно непривычно, учитывая то, что последние недели три всё было спокойно, до этого же нам попадались только алкаши, которые не поделили между собой последнюю бутылку, готовые ради «горячей воды» пойти на убийство. Дело поручили мне, я особо и не возражал, бумажная работа и разборки пьяниц часом поднадоели. Может быть, что-то новенькое? Это был мой обычный будний день, я сел в машину и выехал по адресу Комсомольская, дом 4. Эта улица проходила прямо под виадуком, соединяющим центральный и восточный районы города.

Постановка. Часть 2

– Ну, что тут сказать? Вы выполнили свой уговор. Чупа-чупсы на столе, сигареты тоже на месте, целая упаковка. С чего же мне лучше начать: с конфет или сигарет?

– Слушай, давай ближе к делу.

– Вот этого я попрошу не делать.

– Чего?

– Не перебивать меня. Я всё расскажу. Но чтобы подвести итог, придётся предаться более ранним воспоминаниям, всё взаимосвязано. Я вообще люблю рассказывать истории. Так с чего же мне начать?

– Как хочешь, начинай с начала.

– Да я не про это. С чупа-чупсов или с сигарет?

Я смотрю на него и прекрасно понимаю, что моя лёгкость и непринуждённость его раздражают. У меня создаётся такое впечатление, что моя постановка продолжается. Текст отскакивает от зубов, словно мы – это актёры, которые идеально играют свои роли. Словно мы учили этот диалог много-много дней. И вот, наконец, спектакль подходит к своему завершению. Жаль, конечно, что всё именно так, а не как мне хотелось. Я беру в руки конфету, снимая с неё обёртку, продолжаю рассуждать:

– Ладно, начну с чупа-чупса, эти конфеты меня успокаивают и в то же время помогают думать ничуть не хуже сигарет... Человек всегда стремился к чему-то большему, деньги и женщины – это желания обывателей. У нас же с Артёмом было нечто более возвышенное, мы хотели власти над толпой, признания, внимания. И всё это у нас было в тот самый момент, когда мы выходили на сцену, свет прожекторов освещал наших персонажей, внимание зрителей было нашим. Но этот гадёныш сделал что-то из ряда вон выходящее, а потом и его друг спустя два года.

– Да, ну а ты...

– Я же просил не перебивать, когда я рассуждаю.

– Ладно-ладно, продолжай.

– Это всё стечение обстоятельств, всё бы было иначе, если бы не эта чёрная полоса. Человек всегда стремился к большему. Но создав искусственные крылья, подлетел слишком близко к солнцу, обжёгся и упал.

– Что за чёрная полоса?

– К этому мы ещё подойдём.

Я вытащил изо рта конфету на палочке, покрутил её в руке и выбросил в урну, которая стояла под столом. Достал сигарету из упаковки. Затяжка, пауза, дым. Мне определённо легче, можно продолжать:

– Впервые я понял, что значит власть... ещё в детстве. Родители привели меня в детский сад, сразу в среднюю группу. И это мне ещё повезло. Очередь на детские сады огромная, сам знаешь, детей записывают с рождения. До меня очередь дошла не сразу: ясли и младшую группу я пропустил, меня воспитывала бабушка, думаю, это даже к лучшему.

– Почему?

– Очевидно же... меня отдали в садик, когда я уже был чуть постарше и понимал, что происходит. Родители подарили мне игрушку: пожарную машину с раскладной лестницей, с этой машиной я и пришёл в садик, в первый день. Толпа из пяти – шести ребят окружила меня после того, как мама и воспитательница ушли. Я никого не знал из этих детей, но уже через пару минут чувствовал себя как рыба в воде.

– Вы подружились?

– Лучше. Они восхищались не мной, а моей игрушечной пожарной машиной. «Вау-у-у, какая у тебя машина!» – первую минуту я слышал от них только такие фразы. И лишь потом они поинтересовались, как меня зовут. Слегка смутившись, я ответил: «Максим». Будучи ребёнком, я не осознавал, что происходит. Но уже тогда я чувствовал, что этими детьми можно управлять с помощью моей игрушечной машины: они любили эту игрушку, а не меня... Но мне было всё равно, пока я в центре внимания.

– И ты сразу пришёл к такой мысли?

– Нет, конечно. Как ребёнок может прийти до такой мысли?! Ребёнок может только чувствовать. Эмоции – это всё, что есть у детей, и никакого чёткого сознания. Но не всё ли равно, какая причина на самом деле, если тебя любят и ценят, пусть даже если это всё фальшиво? Ведь многие взрослые – это те же дети, которые до сих пор не выросли. Посмотреть на этих сорокалетних богачей: у них есть деньги, они могут позволить себе красивых молоденьких женщин и прочую роскошь. При этом понимая, что женщины любят не их, а деньги, – им всё равно, пока они получают то, что им нужно. Это естественный процесс. Так и тогда те дети получили возможность играть с моей пожарной машиной, а я получил их внимание и уважение, пусть и фальшивые, пусть я тогда всего не понимал, будучи ребёнком, но я чувствовал – это главное. «Ты же не ходишь в кино и театр за сюжетом или идеей, ты ходишь, чтобы получить эмоции», – так говорил Артём.

– Ты скучаешь по другу?

– По другу? По Артёму, что ли?

– Ну да.

Я потушил сигарету в пепельнице, сразу же достал из пачки вторую и снова закурил, продолжив свои рассуждения:

– По какому такому другу? Этот гадёныш всегда был для меня соперником. Вся труппа признавала только его. Я был своего рода мальчиком на побегушках, старался выделиться из толпы и получить более значимые роли. Артём искусно манипулировал как зрителями, так и актёрами. В то время игрушечная пожарная машина всегда была у него.

Виадук. Часть 2

2 марта. 9:50

Я на месте. Видно, что криминалисты уже осмотрели всё, что им было нужно, и ждут лишь меня, чтобы я мог дать отмашку для того, чтобы увезли тело. Не понимаю, зачем их всегда посылают по двое, вполне достаточно и одного. Это не американский сериал, у нас нет распределения: криминалист по волокнам, или криминалист по крови, или криминалист по отпечаткам – у нас все занимаются всем, это реальность. Тут вполне хватило бы и одного человека. Дежурных сотрудников в форме тоже двое, они огородили прилегающую территорию жёлтыми лентами. Я подхожу к коллегам и здороваюсь с одним из них, пока второй продолжает делать снимки на полароид.

– Привет, Вить, ну рассказывай, что тут у нас?

– Привет, Миш, да а что рассказывать? И так всё понятно. Убийство решили «замаскировать» под самоубийство.

– Поясни подробнее.

– По уликам понятно: крови на асфальте мало, цвет не тот, жертва обнаружена не в той позе, если бы она действительно спрыгнула с этого моста. На лице и теле имеются ссадины, жертву, скорее всего, били. В общем, уйма всего. Волокна и отпечатки ещё не проверяли, надо отвезти её в лабораторию для детальной экспертизы.

– Хорошо, отвозите, вечером загляну к вам.

– Да, погоди, тут ещё кое-что есть.

Мой коллега позвал к нам второго криминалиста с фотоаппаратом.

– Жека, покажи тот снимок.

На снимке была спина жертвы, на правой лопатке неровно ножом или же чем-то острым была вырезана римская цифра два. Конечно, может показаться, что мы всё притягиваем за уши. Но кроме как на двойку эти порезы больше ни на что не походили. Два вертикальных пореза параллельных друг другу и два горизонтальных пореза снизу и сверху можно было охарактеризовать не иначе как римскую цифру два. Хотя чёрточки снизу и сверху вроде бы уже не ставятся. Создавалось впечатление, что убийца специально их вырезал, чтобы мы сразу поняли, что это цифра. Зачем же тогда он оставил труп своей жертвы под мостом, пытаясь инсценировать самоубийство? Один факт перекрывал другой. Может быть, это всё-таки была не двойка? Я подошёл к жертве. Женщина лет сорока – сорока пяти, телосложение полное, стрижка короткая, волосы каштанового оттенка, на ногах штаны и ботинки, верхняя

одежда отсутствует, не тронут только лифчик. Сомневаюсь, что она была убита с целью изнасилования. Всё-таки она уже в возрасте, да и внешность не торт. Я осмотрел спину: потёртости, следы крови, он вырезал эту «двойку», словно тату-мастер делает наколки, судя по всему, ещё когда жертва была жива. На одной стороне весов у нас была попытка инсценировать убийство, на другой – улика, доказывающая, что преступник не хотел скрывать, что это убийство. И почему именно цифра два... тогда понятно, что это не первая жертва, но где тогда первая? Или это цифра означает что-то другое? Необязательно же это должен быть порядковый номер. Одни факты против других. Хочет ли он запутать следствие? Трудно разобраться без детального анализа.

– Ладно, ребят, увозите. Проверьте всё что нужно, я зайду к вам вечером. Сейчас голова совсем не соображает.

Обед ещё не скоро, а времени у меня много. Волков, который сейчас подменяет Лихацкого, менее строгий начальник, он не ведёт мониторинг своих сотрудников. На часах половина одиннадцатого. Я знал одно замечательное место, через полчаса оно должно было открыться. Когда дойду, будет как раз одиннадцать. Учитывая первичные улики, указывающие на то, что дело может оказаться весьма непростым, я принял для себя решение...

11:05

– Ещё пива?

– Да, давай такой же «BUD» в бутылке.

– Чего это ты решил к нам пожаловать в такую рань?

– Да вот, спустя долгое время, возможно, интересное дело.

– Расскажешь?

– Ну ты же сам понимаешь, что нет.

– Всегда ты так.

– Не всегда. Про разборки алкоголиков я тебе рассказываю.

– Разборки алкоголиков я здесь могу наблюдать по несколько раз в неделю, чуть ли не каждый вечер. Ладно, сиди отдыхай, я на кухню на пару минут.

Это Рома – бармен замечательного заведения «Бешеная кобыла». Должен признать, одно из моих любимых мест в городе. Конечно, бар «Питтсбург», в который меня любил периодически затаскивать Андрей Сергеевич, тоже неплох, но, увы, он закрылся. Да и в «Бешеной кобыле» мне нравится больше: музыка, декор, да и вообще весь антураж. Стены, пол, столы, стулья, барная стойка, вся мебель была из дерева красного и коричневого цвета, не покрытая обивкой. За барной стойкой, на стене, полочки с алкоголем, подсвеченные неоновыми трубками. По бокам стены висели разные плакаты с индейцами, ловцы снов, денежные купюры разных европейских стран и не только, без западного доллара тоже не обошлись. Наверняка купюры были фальшивыми, но не в этом суть, они отлично дополняли атмосферу, создавая антураж. В заведении играла расслабляющая лаунж-музыка. Всё это создавало впечатление, будто ты попал в салун, построенный на современный лад. Я продолжал потягивать пиво из бутылки и наслаждаться обстановкой, напроць забыв о том, что было часом ранее. Моё спокойствие прервал Рома:

– Так что, может быть, что-нибудь покрепче тогда?

– Да не, у меня ещё рабочий день впереди. Я бы лучше съел что-нибудь. Давай этот ваш «Завтрак по-западному».

– Без проблем. Пиво ещё будешь?

– Да погоди ты, я это ещё не допил.

– Всегда хотел спросить у тебя, но забывал. А почему именно «BUD», и почему в бутылке? Нет, я понимаю, это хорошее пиво, не разливное, конечно, но всё равно хорошее. У нас уйма пивных бокалов. Так почему ты всегда пьёшь из бутылки?

Честно говоря, это уже давно вошло в привычку. Началось всё несколько лет назад, когда я ещё не работал в милиции, я впервые пришёл в это заведение с одной из своих бывших девушек. Конечно, отношений у меня было не так много. Но та женщина была самой интересной и самой харизматичной. Эту привычку я перенял у неё: в какой бар мы бы ни заходили, она всегда пила «BUD» и всегда из бутылки, мотивируя это тем, что так вкуснее. Я не стал долго рассуждать перед своим барменом. Не очень-то я люблю показывать нахлынувшие на меня чувства:

– Ну, помнишь, когда я только начал к вам ходить, со мной девушка была, я у неё эту привычку перенял. Она говорила, что так вкуснее.

– Ладно, допустим, а почему именно «BUD»?

– Этого я и сам не знаю. Может, просто... этикетка красивая.

Мы оба посмеялись над подобной нелепостью, после чего мне подали мой обед, который тем не менее назывался «Завтрак по-западному».

Был час дня, я выпил три бутылки пива и закончил обедать. Расплатившись по счёту и оставив Роме хорошие чаевые, я решил пройтись до отделения пешком. Времени ещё много, солнышко светит, погода хорошая. Бумажные дела, что у меня оставались, я разгребу за пару часов, а потом к криминалистам.

16:30

Я захожу в лабораторию, Витя сидит за столом и что-то рассматривает под микроскопом. Увлечённый процессом, он даже не взглянул на меня, хотя наверняка слышал, что в лабораторию кто-то вошёл. Его напарника не видно, наверно, опять раньше ушел с работы. Ходят слухи, что Женя уходит на час-полтора раньше, чем заканчивается рабочий день. Я, конечно, не знаю всех причин, но ему повезло, что Лихацкий не его начальник. Я подхожу к столу и сажусь напротив Вити.

– Ну, рассказывай, есть что-нибудь новенькое?

Наконец, он оторвался от микроскопа, взяв в руки пинцет, стал махать им перед моим носом.

– Ну, что, поздравляю, видимо, придётся тебе отдохнуть от разборок алкашни и наконец заняться интересным делом. Видишь?

– Вижу, ну волос, чёрный, и что? Сейчас поймал его, и дело с концами.

– Миша, не строй из себя Андрея. Излишняя самонадеянность не всегда к месту. Волос искусственный.

Честно говоря, я не знал, что ему ответить, оставалось только переспросить:

– Искусственный?

Витя положил пинцет с зажатым в нём волосом обратно на стол и, развалившись в кресле, продолжил рассуждать.

– Именно, длинный чёрный искусственный волос. Прилип к штанине на теле жертвы...

...да, признаюсь, мы не обнаружили его сразу, но тем не менее не нужно быть экспертом, чтобы понять, что это убийство, а не самоубийство. Преступник маскировался, был в парике, что тут ещё скажешь.

– Придержи коней, следователь тут я, а не ты. Может, жертва носила парики, в конце концов, у неё короткая стрижка.

– Ну да, конечно...

– Может, это и не волос вовсе.

– А что тогда?

– Ну, я не знаю, может, часть одежды какой.

– Ага, шубы, например, или ещё чего... у нас же такая холодрыга, плюс пятнадцать. Не забывай, что жертву нашли без верхней одежды. Только что лифчик не тронут. В конце концов, не стояла же она на мосту, размахивая кофтой. Наши прочесали все кусты в радиусе полукилометра от тела жертвы – верхней одежды не найдено.

– Думаешь, забрал одежду как трофей?

– Да откуда мне знать? Какой трофей, ты сериалов посмотрелся? – Витин сарказм пёр из всех щелей, будучи уверенным, что прав, он не замолкал: – Не обнадёживай себя. Первичные улики, да и вообще всё, что было обнаружено, проанализировано и указывает на то, что это убийство.

– Ладно, допустим, зачем тогда вырезана эта двойка на спине жертвы?

– Мне как-то всё равно, это уже твоя работа.

– Ты всегда умел уйти от вопроса, когда ответов у тебя не было. Что по поводу изнасилования, есть следы?

– Нет, по этой части ноль. Убита явно не с целью изнасилования. Да, ко всему прочему, на руках жертвы обнаружены небольшие следы. Похоже на следы от верёвки, жертву, скорее всего, связывали.

– Так... ладно, личность установили?

– Да. Шибанова Ольга Дмитриевна. Директор Центрального дома культуры. Сорок два года. Заявления о пропаже не поступали, судя по всему, убийца действовал быстро. Ладно, мне скоро домой собираться, что-то устал я сегодня.

Витя достал из тумбочки пакетик с растворимым кофе.

– Ты кофе будешь?

Я смотрел в одну точку, пытаюсь собраться с мыслями.

– Ау, Мих, кофе будешь?!

– А, нет, спасибо, мне нужно подумать... Скажи, кто-нибудь занимался установкой личности более детально? Чем занималась в последнее время, что делала, с кем общалась?

– Ну, это не моя работа. Заходили тут ваши, часом ранее. Сходи к ним, узнай.

Я встал со стула и направился к двери, остановившись у выхода, ещё раз переспросил.

– Ты уверен, убийство?

– Да, я тебе говорю. Всё улики налицо. Ссадины на лице и теле, расположение тела при обнаружении, цвет крови, количество крови на асфальте. Она не прыгала с этого моста, убита, да, скорее всего, при падении, если брать во внимание частичную деформацию костей черепа, и не только их... Но если это падение, а это, скорее всего, падение, то явно не там, где её нашли. Кто-то её перевёз. Зачем – не знаю. В конце концов, не сама же она себе вырезала эту двойку на спине. Или... тебе просто лень работать?

– Может быть...

– Что может быть?

– Нет, это я не тебе. Ладно. Спасибо за работу. Пойду уже.

17:10

Я встретился с коллегами, узнал у них всю интересующую меня информацию. Шибанова Ольга Дмитриевна, сорок два года. Живёт с мужем, он старше её на пять лет. Есть дочь, учится на третьем курсе медицинского в другом городе. Жертва ничем примечательным не занималась. Кому понадобилось её убивать? Да ещё эта римская двойка не выходила у меня из головы. Бред какой-то. Я понимал, что, возможно, притягиваю всё за уши. Но... директор Централь-

ного дома культуры. После всего, что я пережил ранее, мою паранойю можно было понять. Чтобы продолжить расследование, мне нужен был кто-то более опытный.

Мне просто нужно собраться с мыслями. Я достаю из кармана телефон и звоню ему. Как всегда, он здоровается со мной прежде, чем я успеваю произнести «алло».

– Привет, Мих, как дела?

– Здравсьте, Андрей Сергеевич, да нормально...

– Какими судьбами, случилось что или просто соскучился?

– Да... тут ваш совет нужен.

– Ну так приезжай, какие проблемы? Я дома.

– Да-а, я хотел по телефону проконсультроваться.

– Миха-а-а... Ты же знаешь, хочешь совет – выходи на живой диалог.

– Хорошо, я тогда через полчаса подъеду.

– Ну, отлично, я и виски ждём тебя.

Видимо... он был уже пьян.

17:45

– Ну, садись, не стесняйся. Бурбон будешь?

Я снова ничего не успел ему ответить.

– Хотя, что я спрашиваю, конечно будешь.

Мне казалось, что после того случая Андрей Сергеевич немного изменился. Стал чуть более приветливым, но всё это выглядело как-то наигранно, словно он носил маску дружелюбия. Каждый раз, общаясь с ним, я будто чувствовал, как он пытается удержать в себе непомерное чувство печали. Да что и говорить, я тоже изменился, повзрослел, стал более спокойно относиться как к повседневным личным проблемам, так и к расследованиям на своей работе. Время и опыт – они закаляют. Как знать, не произошёл тогда со мной такое, возможно, я и дальше бы продолжал беспокоиться по всяким пустякам. Но, разумеется, на фоне Андрея Сергеевича я понимал, что ещё юн и неопытен. Андрей умел читать жизнь между строк. Но тем не менее весь его внешний вид указывал на то, что «старик» тяжело и грустно, и он пытается скрывать эти эмоции крайне неумело. Он всё так же прихрамывал, но уже обходился без трости.

– Я смотрю, уже без трости обходитесь. В последний раз, когда я к вам приезжал, вы ещё ей пользовались.

– Да это просто вошло в привычку. Да и врач говорит, что в трости больше нет необходимости, нужно понемногу привыкать обходиться без неё.

Андрей Сергеевич садится напротив меня и ставит на стол два стакана с бурбоном. Льда, как всегда, он не пожалел. Уж и не сосчитать, сколько раз я был у него в гостях. Это обычная квартира, в которой до сих пор сохранился дух Советского Союза: довольно старенькая мебель, шкафы, которым по меньшей мере лет двадцать, на полу и стенах ковры.

Андрей Сергеевич достаёт из кармана штанов упаковку с таблетками, выдавливает в ладонь две штуки, затем запивает их бурбоном.

– Долго вам ещё таблетки принимать?

– Врач говорит полгода.

– И часто вы их с алкоголем мешаете?

– Так... стоп. Не нужно сейчас начинать рассказывать, как мне принимать мои таблетки.

Давай лучше говори, с чем пожаловал?

Я беру стакан с бурбоном, отпиваю, сделав глоток, ставлю стакан обратно на стол. Честно говоря, я даже не знал, с чего начать. Но сделав паузу и собравшись с мыслями, рассказал Андрею Сергеевичу всё, что мне удалось узнать от Вити и своих коллег.

18:20

– Директор Дома культуры... центрального района. Давай ещё налью.

Он забирает мой стакан, выливает растаявший в нём лёд. Через пару минут передо мной обновлённая порция бурбона, и себя Андрей Сергеевич стороной не обошёл. Сделав глоток, он наконец-то задал мне вопрос:

– А сам что думаешь?

– Честно говоря, мне кажется, что у меня паранойя, вряд ли как-то связано с предыдущими делами. Возможно, просто совпадение.

– Это ты так себя утешаешь?

– Почему?

– Ну ладно улики, ладно отчёты, давай даже опустим сейчас интуицию. Эта римская двойка на спине, про которую ты говоришь. Вот что стоит брать во внимание в первую очередь. Однозначно убийство, однозначно опять какой-то пришибленный театрал. Изнасилования нет, половые органы не тронуты. Подумай, почему отсутствует верхняя одежда? Должен быть мотив. Ты же не первый год в следственном, а до сих пор не научился быстро анализировать.

– Так, с чего тогда мне лучше начать?

– Как с чего? С опросов – как и всегда.

– Так ребята уже их провели, я ж говорил.

– Кто, Олег и Саша?

– Ну да.

– На этих тыловых крыс вообще полагаться не стоит, их работа – бумажки разгребать, а не опросы проводить. Знаю я, как они их проводят. Спросят всё в общих чертах, никаких деталей, никаких подробностей не узнают или, и того хуже, по телефону позвонят, и всё. Займись лучше сам, напарника подряди, как его там, всё время имя забываю.

– Гена сейчас в командировке. Вроде как через неделю должен вернуться.

– Ну тогда сам займись, что я могу сказать... Вообще, узнай для начала, существует ли ещё тот театр. С ним всегда было что-то неладное.

– Даже если и так, оба дела уже закрыты. Преступники мертвы, вопросов больше не осталось.

– И что? Я тебе говорю, подними дела, покопайся. Но сначала лично проведи опрос. Я всегда всё делал сам, никому не доверял опросы. Кому нужно вырезать цифру на спине у директора Дома культуры? Скорее всего, опять какой-то шибзданутый театрал, я ж говорю. К тому же, как ты сказал, это на двойку походит. Где тогда первая жертва, почему фотографию не принёс?!

– Я не знаю, забыл.

– Впрочем... это необязательно может быть порядковый номер.

Андрей Сергеевич продолжал свои рассуждения. Я понимал, вот он – следователь с опытом, увлечённый своей работой. Я решился перебить его:

– Может... можете мне провести опрос, ну... неофициально?

Он усмехнулся и, сделав глоток виски, ответил:

– Нет, Мих, я отошёл от дел, ты сам прекрасно знаешь.

– Я же вижу, что вам интересно. Вам всё равно нечем заняться. Что вы делаете в ближайшие дни? Завтра, послезавтра, к примеру...

Андрей Сергеевич ничего не ответил мне, встав с кресла, прихрамывая, он ушёл в другую комнату. Неловкая ситуация сложилась, сначала я подумал, что обидел его. Но через некоторое время он вернулся в комнату с удочкой в руках.

– Вот, видишь?

– Удочка?

– Сам ты удочка, спиннинг! Пару недель назад купил. Рыбалкой занялся.

– И много наловили?

– Ну, так, не особо. Это больше для души. Это к твоему вопросу, что я буду делать завтра и послезавтра.

– Серьёзно? Вам это действительно нравится? Уходя со службы, вы говорили, что, возможно, восстановитесь через время.

– Во-первых, ключевое слово тут «возможно». Во-вторых, времени прошло ещё не так много. А в-третьих, у меня тут другие планы появились.

– Это какие же?

– Мне тут один знакомый предложил охранником на продуктовый склад устроиться. Зарплата, конечно, небольшая. Но при моих сбережениях мне хватит. И график хороший: сутки через трое.

Честно признаюсь, его заявление вызвало у меня лёгкий шок.

– Вы это серьёзно?

– А я когда-нибудь был несерьёзен?

Наверно, в жизни каждого человека наступает момент, когда мы разочаровываемся в своих наставниках, учителях. Теперь я уже не мог понять, действительно ли Андрей Сергеевич пал настолько, что готов уйти в охранники, будучи опытным следователем с большим стажем... Казалось, все мои прежние представления об этом человеке рухнули в одно мгновение. Да, в прошлом году я понимал, что ему нужно время, чтобы отдохнуть. Но я надеялся, я верил, что он восстановится на службе. Наш дальнейший диалог строился весьма неудачно и был натянут. Андрей Сергеевич пытался с энтузиазмом рассказывать про все «прелести» рыбалки и работы охранником. А я же делал вид, что слушал его.

Постановка. Часть 3

Во рту противный вкус. Сладость конфеты смешалась с табачным дымом. Я начал кашлять. Эти сигареты меня убивают, но поздно что-либо менять.

– Мне бы воды. Во рту, как в Сахаре.

– Да, разумеется.

Он встаёт со стула, подходит к столику у стены и наливает из графина воду в стакан. Мне лень думать о чём-либо существенном. Я просто хочу стакан воды и ничего больше.

– Держи.

– Наконец-то.

Хоть одно моё желание исполнилось – залпом, за несколько секунд я выпил воду, мне определённо лучше.

– Ну что, продолжим?

– Да, пожалуй... А что бы ты сделал, если бы узнал, что тебе остаётся жить всего пару лет?

Он уже было раскрыл рот, пытаясь что-то мне ответить, но я вновь перебил его:

– Да, ты можешь не отвечать, вопрос риторический. Своего рода пролог перед основной историей.

– Вот как? Ну, тогда продолжай, слушаю тебя.

– Мой дед был шизофреником и кончил в психушке в пятьдесят восемь лет. В подробности я вдаваться не буду. Бабушка умерла в результате инфаркта девять лет назад. Это по материнской линии. По отцовской – стыдно, но я ничего не знаю, раньше не интересовался. Да и отца я не видел более пяти лет, не знаю и знать не хочу, что сейчас с этим алкоголиком, после развода с матерью он переехал в Краснодар, поселился в общежитии и «благополучно» продолжил спиваться. Не знаю, на сколько лет ему хватит той части денег, которая досталась от продажи четырёхкомнатной квартиры в центре. Скорее всего, он уже давно всё пропил.

– Ну а мать?

– Да мать – как мать. Обычная женщина. Работает в продуктовом магазине заместителем начальника. После расписки в квартире мы с ней купили маленький частный домик, если выразаться более точно, то это блочный коттедж, построенный по типу жилого гаража, на окраине центрального района, на улице Ландышевой. Тихое, уютное место. Двадцать третьего февраля мать взяла отпуск и решила на месяц уехать к сестре в Новосибирск. Это было мне только на руку. Вы же с ней ещё не связывались?

– Нет, ещё нет.

– Ну вот и хорошо, пока не стоит, это единственное, о чём я прошу. Пусть она отдохнёт в отпуске.

– Так что за чёрная полоса, про которую ты говорил?

– Ну, вот, пожалуй, мы и подошли к этому моменту. Время для второй конфеты.

Я снимаю обёртку с чупа-чупса.

– Этот вишнёвый, люблю с вишней. В общем, по порядку. Сначала о работе. Я верю, что в будущем роботы отберут рабочие места у людей, но количество бедных при этом увеличится в разы. Все эти книги и фильмы о научной фантастике якобы говорят нам, что роботы будут работать, а люди получать деньги, и все будут счастливы. Да ни черта подобного! Всегда был, есть и будет капитализм, и пока он есть, нищих всегда будет десятки раз больше, чем богатых. Я человек принципиальный – не просил у мамы денег уже много лет. Она и так меня кормит и оплачивает наши коммунальные услуги.

– Так к чему все эти рассуждения?

– К тому, что в январе, прямо на Новый год, я остаюсь без работы. Эти сотовые телефоны – настоящее бедствие. Люди всё чаще отказываются от домашнего стационарного теле-

фона за ненадобностью. Предприятие теряет прибыль, отсюда экономия на сотрудниках и массовые сокращения. Конечно, меня уведомили о плановом сокращении за два месяца. Но всё же я думал, что найду новую работу без особого труда. Так бы и было, если бы не другое обстоятельство...

Если подумать, то человек, сидящий напротив меня, – первый, кому я рассказываю все подробности своей жизни в деталях. В определённой мере это походит на исповедь для того, чтобы мне отпустили грехи. Но я в Бога не верю, я вообще ни во что не верю, теперь даже и в себя. Всё, что мне остаётся, – это только рассказывать. Я не желаю думать, что будет дальше, мне просто нужно говорить, чтобы мысль о завтрашнем дне не посещала мою голову.

– Благодаря связям одного приятеля, я решил устроиться официантом в «Белый парус». Знаешь, наверно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.